

*И.В. Ульянова**

Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается роль и место китайских диаспор в системе международных экономических и политических отношений в Юго-Восточной Азии. Автор приходит к выводу о том, что *хуацяо* являются важным фактором региональной интеграции и продвижения геополитических интересов Китая в этой части мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *хуацяо*, Китай, Юго-Восточная Азия, интеграция.

Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии представляет собой весьма важный феномен системы международных отношений региона. Этническая сплочённость, глубокие патриотические чувства и колоссальные финансовые возможности китайской диаспоры позволяют ей в значительной степени определять вектор экономического развития не только Китая, но и всей Юго-Восточной Азии.

На долю преуспевающих китайских переселенцев за рубежом приходится более двух третей общего объёма зарубежных инвестиций в китайскую экономику. Они, составляя всего 3% населения Индонезии, контролируют почти 70% национальных предприятий этой страны; в Таиланде им принадлежат крупнейшие банки; на Филиппинах через их предприятия проходит 35% совокупного торгового оборота [3].

Официальная трактовка китайского закона о защите прав и интересов эмигрантов определяет таких переселенцев («хуацяо») как китайских граждан, которые имеют вид на жительство в стране проживания, а зарубежную диаспору китайцев как потомков бывших хуацяо

* Ульянова Ирина Вадимовна, студентка 3 курса Кафедры востоковедения Департамента международных отношений Уральского Федерального Университета, Екатеринбург, Россия. E-mail: irina_ylianova2014@mail.ru

или китайцев, которые уже имеют гражданство другого государства или вид на жительство [8].

Массовая китайская эмиграция в ЮВА имеет долгую историю. Первая волна возникла ещё в XVII в., после того как в Китае воцарилась маньчжурская императорская династия Цин. Переселенцами тогда были преимущественно торговцы и ремесленники. В XIX в., когда в европейских колониях Юго-Восточной Азии и в Северной Америке оказалась востребованной китайская рабочая сила, возникла вторая волна китайской эмиграции, состоявшая, главным образом, из кули (рабочих).

Третья датируется 80-ми гг. XX в. и возникла в связи с переходом КНР к политике реформ и открытости, включавшей изменение курса по отношению к эмигрантам. Органы по работе с проживающими за рубежом китайцами разработали ряд мер, призванных создать льготные условия для реэмигрантов, их родственников и зарубежных китайцев. В качестве практических шагов осуществлялась либерализация выезда за границу, разрешалась выплата денежных переводов, упрощались правила въезда в КНР. Иными словами, руководство Китая стало рассматривать родственников хуацяо и реэмигрантов как важное звено установления контактов с зарубежными китайцами. На них возлагалась задача пропаганды и разъяснения политики Пекина среди «заграничных друзей», а также активное привлечение инвестиций хуацяо на материк [2]. Последняя волна эмиграции, продолжающаяся и в настоящее время, придала облику мировой китайской диаспоры новые черты, соответствующие вызовам современной эпохи: хуацяо нового поколения имеют более высокое образование, получают высокие должности и активно создают бизнес-корпорации.

Сегодня в Юго-Восточной Азии проживает около 75% всех зарубежных китайцев, это 28,2 млн. человек, что составляет 6% от общего населения стран Индокитая [7]. Несмотря на общую схожесть китайских диаспор в странах ЮВА, можно выделить несколько отличающихся моделей по степени ассимиляции и положению в обществе: неассимилировавшиеся диаспоры (Индонезия и Малайзия), ассимилировавшиеся (Тайланд, Филиппины, Вьетнам) и занимающие доминирующее положение (Сингапур). В целом же для всех стран региона характерна национальная самоидентификация этнических китайцев, во многом вызванная стремительным ростом КНР.

Сегодня экономика Китая имеет тенденции к росту, особенно это касается районов Южного Китая — родины предков многих хуацяо в странах ЮВА. В последние годы КНР отличается завидной стабильностью политической и социальной обстановки, постепенно улучшаются условия для капиталовложений, совершенствуется их

правовое обеспечение, упрощаются процедуры регистрации предприятий с участием зарубежного капитала, что является основными причинами многочисленных инвестиций хуацяо в экономику Великой Поднебесной. Зарубежных китайцев также привлекает наличие дешёвой рабочей силы и огромный потребительский рынок, способствующие развитию предпринимательской деятельности. Таким образом, рост экономической мощи КНР ускоряется благодаря в том числе финансовой помощи хуацяо.

Примечательно, что для повышения вклада китайской диаспоры ЮВА в решение задач модернизации КНР, Пекин создал достаточной благоприятствующий режим преференций. В число привилегий, предоставленных инвесторам-хуацяо, входит отказ китайского правительства от национализации их инвестиций и другой собственности, возможность перевода прибылей и других доходов за границу после уплаты налогов.

Принято решение не облагать ввозными пошлинами и единым промышленно-торговым налогом и не требовать импортных лицензий на ввозимые в КНР машинное оборудование, детали, топливо, сырьё, используемые в производстве, в пределах общей суммы капиталовложений. Поощряется создание совместных предприятий китайского и эмигрантского капитала, приглашённый из-за границы технический и управленческий персонал получает открытые въездные и выездные визы [2]. Иначе говоря, в КНР создан и задействован достаточно эффективный механизм регулирования отношений государственных структур с китайской общиной, в частности в Юго-Восточной Азии.

Сегодня предприятия хуацяо в данном регионе, это крупные холдинги с миллиардными оборотами. Среди них многопрофильная компания Chia Tai в Тайланде (200 000 работников, товарооборот в 2008 г. — \$7,2 млрд.), занимающаяся сельским хозяйством, телекоммуникациями, ритейлом, недвижимостью, продажей автомобилей; группа предприятий Century Golden Resources Group на Филиппинах (15 000 работников, товарооборот за 2008 г. — \$14,9 млрд.), занятая в торговле недвижимостью, имеющая сеть отелей; компании ATI, Artronix, UTStarCom и другие. Колоссальный потенциал китайской диаспоры в ЮВА далеко не исчерпан: она контролирует объём товаров и услуг, эквивалентный по стоимости половине ВВП Китая, 16 из 200 самых богатых людей мира — представители китайской диаспоры в ЮВА [3].

Очевидно, что китайская диаспора Индокитая является важнейшим фактором экономической интеграции КНР со странами АСЕАН. По мнению профессора Сингапурского университета Денни Роя, наличие за рубежом китайских общин обеспечивает Китаю долговре-

менные преимущества в конкуренции за создание экономической империи в Азии. Преимущества и выгоды, которые даёт растущая зарубежная диаспора китайцев, пронизанная родственно-этническими, экономическими, информационными и иными связями не только внутри себя, но и со своей Родиной, всё в большей степени несут в себе признаки сетевых благ, для которых в первую очередь характерна зависимость ценности самой сети от числа акторов [6].

Примечательно, что за последние 10–15 лет руководство КНР стало рассматривать китайскую диаспору в ЮВА не только как важный источник инвестиций и технологий, но и как инструмент глобальной политики. Борьба за доминирование в регионе между Китаем и США постепенно обостряется. Юго-Восточная Азия становится одним из основных центров мирового развития и экономического роста, занимает важнейшее геополитическое положение на стыке Индийского и Тихого океанов, этот регион пересекают важнейшие мировые торговые пути. Многочисленное население стран АСЕАН формирует один из наиболее быстрорастущих потребительских рынков, а природные ископаемые, от нефти до олова, не могут не привлекать основных игроков на международной арене.

Как правило, представители китайской общины в данном регионе не участвуют напрямую в политических процессах. Основную их силу составляет экономическая мощь, поэтому они сохраняют значительные экономические рычаги лоббирования собственных интересов и, таким образом, зачастую оказываются достаточно крепко связанными с политическими силами. Спонсирование предвыборных кампаний, взятки, «откаты» — это лишь часть их инструментального влияния на политическую сферу. Некоторые исследователи утверждают, что китайские компании помогли президенту Сухарто занять доминирующие позиции в экономике Индонезии, за счёт чего сохранили свой бизнес в данном государстве, расширили влияние и получили определённые преимущества в виде эксклюзивных контрактов, кредитов и т.д. [1].

Призывая зарубежных китайцев «способствовать великому делу объединения родины», руководство КНР пытается использовать хуацяо и в пропаганде непримиримой борьбы с Тайванем, чтобы полностью изолировать его от внешнего мира. В качестве одного из средств пропагандистской войны в КНР нередко проводятся съезды соотечественников, посвящённые объединению Китая. Подчёркивая важность роли, отводимой диаспоре, воспринимая её как своего рода «продолжение» Китая, руководители государства неизменно присутствуют на посвящённых ей общенациональных мероприятиях, а, выезжая за границу, включают в программы своих визитов встречи с представителями местных китайских общин.

Изменение качественного состава, увеличение численности хуацяо при одновременном и взаимосвязанном поднятии государственной мощи Китая способствуют популяризации в ЮВА китайского языка и китайской культуры. Их ареал распространения неуклонно расширяется благодаря снятию политических ограничений на изучение и использование китайского языка, всё больше необходимого для ведения крупного бизнеса в регионе. Это свидетельствует о развитии и укреплении культурной интеграции Китая со странами Индокитая.

Вместе с тем вклад китайской диаспоры в экономику стран ЮВА нельзя оценить однозначно. Бесспорно, экономика этих стран получает несомненные выгоды от использования китайского труда, капитала и предпринимательского опыта. Деятельность китайского меньшинства способствует росту таких базовых показателей, как ВВП, объём экспорта, средние доходы населения. Благодаря своим деловым связям за рубежом китайцы помогли странам региона интегрироваться в глобальный рынок. Не являясь создателями новых современных технологий, они перенесли на местную почву уже обкатанные технологии из развитых государств. Стоит отметить, что ряд компаний, созданных представителями китайской эмиграции в странах АСЕАН, входят в число 500 крупнейших транснациональных компаний мира.

Однако некоторые специалисты считают невозможным ответить на вопрос: ускорила или замедлила деятельность хуацяо развитие стран их проживания? Среди аспектов негативного воздействия их деятельности можно отметить сосредоточение китайского меньшинства в наиболее доходных секторах экономики, тогда как на долю коренного населения остаются низкопроизводительные и мало доходные отрасли, что осложняет переход стран региона к индустриальной экономике [4]. Более того, нередко представители китайской общины в ЮВА переводят на их этническую родину свои накопления, размеры которых в последние годы превышают объём инвестиций КНР в страны региона. Это, соответственно, не оказывает конструктивного влияния на рост экономической мощи стран проживания зарубежных китайцев.

Ситуация осложняется ещё и тем, что в странах Юго-Восточной Азии гигантского северного соседа рассматривают не только как источник огромных экономических возможностей, но и с точки зрения потенциальной стратегической угрозы — превращение стран АСЕАН в сырьевой придаток Китая. Вместе с тем, на фоне успехов Китая в экономике и укрепления его политических позиций в регионе растёт китайский национализм и уверенность в том, китайский юань станет валютой стран региона, а китайский язык — общепринятым средст-

вом коммуникации в рамках формирующегося общего рынка стран Юго-Восточной Азии и КНР.

Как отмечает профессор Д. Мосяков, Китай, в свою очередь, всеми силами стремится показать, что он — азиатская страна, которая на равных разговаривает со своими азиатскими партнёрами; лучше, чем Запад, понимает проблемы стран ЮВА и готов во многом бескорыстно прийти им на помощь в случае возникновения непредвиденных проблем; и культурно, и ментально представляет со странами региона общий мир азиатских ценностей, противостоящих Европе, США и в целом Западу [5].

Китайская диаспора, таким образом, может оказаться весьма эффективным инструментом в утверждении в регионе образа КНР как миролюбивой и ответственной державы, строго придерживающейся правил цивилизованного поведения, а также в развитии усилий по дальнейшему упрочению экономической интеграции и утверждению культурного влияния Великой Поднебесной в Юго-Восточной Азии.

Литература

1. Анохина Е.С. Китайские диаспоры и «новая» китайская миграция в странах Юго-Восточной Азии // Вестник Томского Государственного Университета. 2012, № 361. С. 62–65
2. Борисова А. Зарубежные китайцы // Азия и Африка сегодня. 2002, № 5. С. 28–33.
3. Дружинин С. Китайские масоны. URL: <http://www.chinapro.ru/rubrics/2/4332>
4. Ларин А.Г. Мировая китайская диаспора и новая миграционная концепция России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013, № 18. С. 193–222.
5. Мосяков Д. США — Китай: обострение противоречий в Юго-Восточной Азии // Азия и Африка сегодня. 2007, № 7. С. 30–33.
6. Стровский Л.Е., Цзян Цзин. Роль Хуацяо в развитии китайской экономики // Вестник УГТУ–УПИ. 2008, № 2. С. 64–72.
7. The world factbook 2010 // Central Intelligence Agency website. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/region/region-eas.html>
8. Zhōnghuá rénmín gònghéguó guīqiáo qiáojiàn quán'yì bǎohù fǎ (Закон о защите прав и интересов эмигрантов). URL: <http://www.chinaqw.com/node2/node2796/node2883/node3179/userobject6ai3723.html>

I.V. Uliyanova*

Chinese diaspora in Southeast Asia

ABSTRACT: This paper discusses the role and place of Chinese diaspora in the system of international economic and political relations in Southeast Asia. The author concludes that *huaqiao* form an important factor of

regional integration and promotion of China's geopolitical interests in this part of the world.

KEYWORDS: *huaqiao*, China, Southeast Asia, integration.

* Uliyanova Irina Vadimovna, student of the Chair of Oriental Studies of the Department of International Relations of the Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: irina_ylianova2014@mail.ru